Тишина, густая и вязкая, поглощала Гарри. Он уткнулся лицом в грубую ткань, зарываясь в нее, словно ища убежища. Глаза закрылись, позволяя ему погрузиться в сон, хрупкий и неуверенный. Безопасность казалась иллюзией, но этот человек, пока, не причинил ему вреда. И, казалось, заботился о нем. Если бы он хотел, Гарри уже давно бы чувствовал боль, был бы ранен. Но его несли, бережно и осторожно. Он уже почти погрузился в сон, когда его разбудил шепот:

— Как тебя зовут, малыш?

Гарри прикусил губу, не зная, что ответить. Он больше не был Гарри. Не хотел быть им. Не хотел быть Гарри Поттером, Мальчиком-Который-Выжил, не хотел, чтобы на его хрупких плечах лежал груз всего мира. Он хотел забыть, забыть боль, потери, слезы.

— У меня его нет, — прошептал он.

Мужчина замедлил шаг, и Гарри почувствовал, словно услышал клятву на незнакомом языке. Он не мог понять слов, но интонация была спокойна, когда мужчина снова заговорил:

— Имя невероятно важно, оно нужно каждому. Оно говорит нам о том, кто мы есть. Поэтому мы должны найти тебе имя.

Гарри лишь моргал, слишком уставший, чтобы прилагать какие-либо усилия. Он не ел, не спал, не знал, сколько времени прошло. Боль от ран становилась невыносимой. Он понимал, что этот человек, вряд ли, будет заботиться о нем долго. Бросит, как только поймет, что он обуза, урод, убийца. Но сейчас о нем заботились. И он будет терпеть это, пока это длится.

В этот момент, на грани сна, его осенила мысль:

— Кто ты? — пробормотал он сонно.

— Арагорн, сын Араторна, — донесся до него мягкий ответ, — Но в этих краях меня знают как Страйдера.

— Спасибо, Арагорн, — прошептал Гарри, понимая, что должен поблагодарить человека, Арагорна, который спас его.

Он не услышал ответа, если тот и был. В следующее мгновение его поглотил сон, глубокий и успокаивающий.

Внезапный шум голосов вырвал Гарри из сна. Он вздрогнул, озираясь в поисках источника звука. Страх пронзил его, заставляя инстинктивно искать угрозу. Он попытался вырваться из рук, которые держали его, его инстинкты кричали о бегстве, о том, чтобы спрятаться. Но руки были сильнее. Он был слаб от голода и ран, покрывавших его тело.

Прошло не больше минуты, как он обмяк в объятиях Арагорна. Боль обрушилась на него внезапной волной, раны закричали в знак протеста против резкого движения. И тогда до него донеслись слова:

— Все в порядке, малыш, ты в безопасности. Они не причинят тебе вреда. Они путешествуют со мной. Никто из нас не причинит тебе вреда.

Он поднял глаза, настороженно, слова его немного успокоили, хотя он и заметил, что голоса стихли. Он увидел четыре фигуры, смотревших на него. Они были маленькими, не намного

выше его, с кудрявыми волосами, круглыми лицами и смеющимися глазами. Гарри немного расслабился, понимая, что они выглядят так, будто не обидят и мухи, не говоря уже о нем. Но это не мешало ему быть настороже, и он слегка отпрянул назад, увидев, что все они смотрят на него.

Арагорн опустил взгляд и увидел страх на его лице:

— Это хоббиты, — сказал он ему по-эльфийски, — Пиппин, Мерри, Сэм и Фродо.

Он указал на каждого хоббита по очереди, произнося их имена. Все хоббиты улыбнулись ему. Черноволосый — Фродо, подумал Гарри, — повернулся к Арагорну и сказал что-то на незнакомом языке с вопросительной интонацией. Арагорн ответил. Фродо кивнул, его лицо выражало беспокойство. Затем заговорил другой хоббит, на этот раз Сэм. Арагорн кивнул, передавая факел Пиппину или Мерри, а затем протянул свободную руку через плечо и передал связку кроликов хоббиту. Тот кивнул в знак благодарности и направился к костру, где уже кипел черный котелок. Мерри, подумал Гарри, подойдет и поможет, пока тот будет возиться с огнем.

Арагорн начал поворачиваться к нему, но потом остановился и снова обратился к одному из хоббитов. Он задал быстрый вопрос на незнакомом языке. Пиппин повернулся, чтобы посмотреть на него, а затем кивнул и стал рыться в одном из мешков. Гарри попытался разглядеть, что тот делает, опасаясь, что это как-то связано с ним, но его внимание было отвлечено, когда Арагорн снова обратился к нему:

— Я должен осмотреть остальные твои раны, наложить шину и вправить запястье, — мягко сказал он ему, — Будет больно, и я ничего не могу с этим поделать. Но это необходимо сделать, чтобы все зажило как следует. Я сделаю это как можно быстрее.

Гарри порывисто кивнул, в его глазах застыл страх. Но он пережил достаточно травм, чтобы понять, что если их не вправлять, то будет еще больнее. И что вправление скоро закончится.

На губах мужчины появилась легкая улыбка. Он сел и усадил Гарри так, чтобы тот сидел у него на коленях, а сломанное запястье держал перед собой. Несколько мгновений прохладные пальцы прощупывали место перелома, полностью его изучая. Затем мужчина вздохнул, и на его лице появилась облегченная улыбка:

— Тебе повезло, малыш, — сказал он, — Перелом чистый, поэтому заживет быстро и легко. Но после того, как я наложу шину, тебе нельзя будет чесать его, играть с шиной или двигать запястьем в течение как минимум двух недель.

Гарри кивнул в знак понимания. Он стиснул зубы и отвернул голову, ожидая боли. Он хотел, чтобы она поскорее закончилась.

В запястье внезапно вспыхнула боль. Он не смог сдержать крика, слезы потекли по лицу. Но в следующую секунду все закончилось. Он почувствовал, что его запястье крепко связано, а по обе стороны от него — пара грубых деревянных прутьев, которые крепко держат запястье на месте. Он икнул, пытаясь остановить слезы. Он почувствовал, как большая рука успокаивающе гладит его по спине:

— Тише, малыш, все закончилось. Ты очень хорошо справился.

Глубокий голос Арагорна успокоил его.

— Ты позволишь мне осмотреть остальные раны? — спросил он, убедившись, что слезы ребенка утихли. — Малыш, я хочу помочь тебе, а не навредить.

Гарри заколебался, раздумывая. У него все болело, и он хотел, чтобы боль прошла. Но он не мог побороть страх, который поднимался в нем. Иногда дядя притворялся, что помогает ему, но от этого становилось только больнее. Он не думал, что сможет терпеть эту боль дальше. Но маленький голосок в глубине его сознания шептал: "Он вправил тебе запястье и не причинил боли. А ведь мог сделать намного хуже".

Если бы Арагорн не позволил ему взглянуть на свои раны, боль только усилилась бы. Но если бы он дал ему посмотреть, был бы шанс, что она утихнет. — Я хочу помочь, — сказал Арагорн.

Гарри не мог поверить своим ушам. Никто, кроме Рона и Гермионы, никогда не предлагал ему помощи. Ему, а не Гарри Поттеру, Мальчику-Который-Выжил. Гораздо больше людей желали ему зла. Но Арагорн с самого начала только и делал, что пытался облегчить его страдания. Может быть, он говорил правду, пусть и только в этот момент.

Прикусив губу, Гарри медленно кивнул. Арагорн ободряюще улыбнулся, достал миску с водой, тряпку и кучу ткани, которые, по мнению Гарри, были бинтами. — Повернись, — тихо попросил он.

Гарри зажал губы, решив больше не кричать. Но не смог сдержать хныканье, когда халат стянул с его спины струпья. Когда халат наконец освободился, теплая вода полилась на его спину, очищая порезы и раны. От воды в порезах жгло, но на спине было приятно. Засохшая кровь смывалась, раны очищались.

Спустя несколько мгновений сильные руки осторожно развернули его. Арагорн тщательно промыл раны на лице и руках. Гарри поднял голову. У него перехватило дыхание, когда он увидел, что выражение лица Арагорна мрачное, но глаза мужчины добрые.

— Ты искал Пиппина? — спросил Арагорн, перевязывая раны.

Гарри понял, что искал. Ему помогли облачиться в слегка поношенную рубашку и брюки. Они свободно болтались на его худой фигуре, их пришлось свернуть, но они были гораздо теплее, чем мантии, которые были не более чем лохмотьями.

— Спасибо, — прошептал он, слегка стесняясь новой одежды. Они были хороши, но не его. Он прекрасно понимал, что был обузой. Но Арагорн лишь улыбнулся ему.

— Спасибо, Пиппин, — добавил Гарри.

Хоббит лишь усмехнулся в ответ, прежде чем заговорить. Гарри слегка поморщился. Он должен был ответить, но не мог уловить даже малейший смысл слов.

— Он говорит, что ты хорошо выглядишь, — пояснил Арагорн, глядя на его выражение лица.

Арагорн что-то резко сказал Пиппину, и хоббит на мгновение смутился, после чего на его лицо вернулась ухмылка. Он поспешил к огню. Гарри вдруг почувствовал запах кроличьего рагу, пропитавший поляну. Он понял, что проголодался. Его желудок заурчал.

— Они так добры ко мне, — подумал Гарри, краснея. — Они и так были так добры, что я был бы более чем достоин, если бы они дали мне еще и поесть.

Не успел он додумать эту мысль до конца, как его снова подхватили на руки, поднесли к костру и посадили на землю.

— Я могу ходить, — тихо сказал он. Ему уже шесть, но это не значит, что он не способен ходить.

— Я знаю, что ты можешь, — строго ответил Арагорн, — но у тебя нет обуви. Я не хочу, чтобы ты шел и резал ноги об острые камни, а потом заражал порезы. Дикие земли — не место для обуви, будь то ребенок или кто-то еще, — он проследил за взглядом Гарри, обращенным к босоногим хоббитам, — если только ты не хоббит, — добавил он с легким юмором в голосе, — а я знаю, что ты им точно не являешься.

Все разговоры прекратились, когда Сэм разлил по тарелкам рагу, которое передал всем желающим. Глаза Гарри расширились, когда ему в руки сунули неглубокую деревянную миску и ложку. Он посмотрел на дмящееся блюдо и снова на Арагорна, явно спрашивая, предназначено ли оно для него.

Арагорн ободряюще кивнул. Гарри сделал глоток. Когда никто не стал отбирать у него миску, он взял еще одну и еще. Ел так быстро, как только мог. Вскоре миска опустела. Впервые за долгое время он почувствовал себя сытым.

Было уже поздно. На небе сияли звезды, костер потрескивал, испуская волны тепла. Сочетание первой нормальной еды за многие недели, если не месяцы, успокаивающего тепла костра и тихих голосов, говорящих на незнакомом языке, убаюкивало его и клонило ко сну.

Последнее, что он успел осознать, прежде чем сон настиг его, — это то, что кто-то поднял его с земли и надежно укутал в одеяла.